

Леонид Люкс

Произошло ли в России переосмысление ее тоталитарного прошлого?*

Для многих наблюдателей «национально-патриотическая» эйфория, господствующая в России после аннексии Крыма, представляется загадкой. Выходящая в Москве *Новая газета*, критическая в отношении правительства, использует в связи с этим выражение «цунами патриотизма»¹. Кажется, что Россия опять пошла совсем другим путем, чем западная часть континента. На Западе разрушительный опыт двух мировых войн и национал-социалистической катастрофы привел к фундаментальному изменению политической культуры. Здесь было осознано, что обожествление национального эгоизма, типичное для более ранних эпох, ведет в пропасть. Осознание этого явилось основой процессов европейской интеграции.

Кажется, что весь опыт, выпавший на долю «короткого XX-го века крайностей», не произвел на Россию глубокого впечатления. Данное обстоятельство многие авторы объясняют тем, что в России практически не произошло переосмысление ее собственного тоталитарного прошлого. Как иначе можно объяснить тот факт, что Иосифа Сталина, одного из самых кровавых тиранов в новейшей истории, половина опрошенных россиян восхваляет как выдающегося государственного деятеля². Если учесть, что преступления Сталина были направлены в первую очередь против своего собственного народа, которому он объявил войну в мирное время, то прославление кремлевского деспота потомками его бесчисленных жертв выглядит особенно абсурдно.

Невзирая на все это, тезис о якобы не состоявшемся в России переосмыслении прошлого неточен. Если бы он соответствовал действительности, были бы невозможны ни эрозия советской системы, ни распад «внешней советской империи», то есть Восточного блока. Ибо тем, из-за чего в конечном счете рухнули коммунистические режимы, была не только их экономическая и политическая несостоятельность, но и, возможно в еще большей степени, «правда о них самих». «Неприкосновенных авторитетов и табу больше не должно быть», провоз-

* Расширенная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке в журнале *The European* (27.6.2014).

¹ Новая газета. 17 июня 2014. С. 4.

² См.: Chavkin B. Diskurse über Stalin im heutigen Russland // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2003. Vol. 7. № 2. P. 153-169; Kaminskij K. Stalin-Kult 2.0: Stalin-Kult in den russischen Medien des 21. Jahrhunderts // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2012. Vol. 16. № 1. P. 165-167.

гласил Михаил Горбачев вскоре после начала перестройки, и страна погрузилась в эйфорию поисков исторической правды. Апологеты Сталина тогда были прижаты спиной к стене. Именно разоблачение сталинистских преступлений придало перестройке беспрецедентную динамику.

Противники реформ панически реагировали тогда на эти процессы. Догматически настроенный писатель Юрий Бондарев жаловался в марте 1988 года, что советские СМИ дают публичную трибуну только одной стороне, а именно агрессивным разрушителям³. А для писателя Проскурина копание в прошлом представлялось неаппетитным занятием, своего рода некрофилией. Однако, все попытки подвести черту под едва начавшимися тогда дебатами о прошлом оказались безрезультатными. Те издания, которые особенно интенсивно занимались преступлениями сталинизма, достигали в то время таких тиражей, от которых захватывало дыхание.

Но сторонники беспощадного разоблачения коммунистического прошлого постепенно начали подкапываться не только под сталинское наследие, но и под ленинский монумент, а это значит подрывать сами основы режима. Некоторые российские реформаторы стали подчеркивать, что истоки сталинской командной системы следует искать в ленинизме. В одной из речей историка Юрия Афанасьева, опубликованной в газете *Известия* в марте 1990 года, можно было прочесть следующее: «Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора»⁴. Защитники основ советской системы реагировали на столь острые нападки паникой и возмущением⁵. Но они были уже не в состоянии удержать от дальнейшего демонтажа режим, сложившийся в 1917 году.

В связи с этим следует указать, что в ходе своей истории советская система проявила устойчивость в многочисленных, казавшихся почти безысходными кризисах. Это были гражданская война, три катастрофы массового голода, принудительная коллективизация и катастрофические военные поражения в начальной фазе войны с нацистской Германией. Но режим оказался не в состоянии выдержать правду о самом себе. Это, в конечном счете, разрушило его.

После полного краха попытки коммунистического путча в августе 1991 года и после запрета КПСС в ноябре 1991 года казалось, что Россия окончательно порвала со своим тоталитарным прошлым. Но это впечатление было обманчивым. Победившие демократы быстро утратили свой кредит доверия, точно так же, как и побежденные ими незадолго до того советские догматики. Россия начала превращаться в «демократию без демократов», подобно тому, как это случилось в свое время с Веймарской республикой. Теперь демократические ценности переживают такую же эрозию, как ранее коммунистические, писал в 1992 году пуб-

³ Перестройка – воля, мужество и ответственность // Литературная Россия. 27 марта 1988.

⁴ Известия. 14 марта 1990.

⁵ См. Выступление директора московского Института Марксизма-Ленинизма Георгия Смирнова // Советская Россия. 1 февраля 1990.

лицист Леонид Радзиховский. Постепенно слово «демократия» стало ругательным.

Столь стремительная дискредитация демократических идей, наблюдавшаяся вскоре после свержения КПСС, имела множество причин. К ним относится начавшаяся в январе 1992 года шоковая терапия в экономике – по мнению некоторых экономических экспертов, это привело в первой фазе к падению жизненного уровня населения вдвое. Вдобавок здесь следует упомянуть распад Советского Союза, что было воспринято многими сторонниками имперской идеи как своего рода апокалипсис. Для большинства населения вопросы переосмысления прошлого играли с этого момента все менее важную роль.

Помимо всего прочего в России произошла смена парадигм, типичная для тех обществ, которые незадолго до того пережили глубокий переворот. Относительно такого «постреволюционного синдрома» британский советолог Эдуард Халлетт Карр уже много лет назад сделал следующее замечание: за каждым революционным разрывом с прошлым следует спустя какое-то время тоска по восстановлению исторической преемственности. Это наблюдение Карра оказалось справедливым и для постсоветской России. А как иначе можно объяснить упомянутую в самом начале «положительную или скорее положительную оценку роли Сталина в советской истории» более чем половиной опрошенных?

А как выглядит отношение к Сталину нынешней российской властной элиты, сложившейся вокруг Путина? Высказывания самого Путина на эту тему в высшей степени неоднозначны. Так, в передаче российского телевидения в декабре 2009 года он, к примеру, сказал следующее: Все положительное, что произошло при Сталине (он имел в виду прежде всего победу Советского Союза во Второй мировой войне), было достигнуто неприемлемой ценой. Были уничтожены миллионы людей. Такими методами нельзя править государством⁶. Но с другой стороны, Путин всегда выступает против слишком негативного изображения российской истории: Школьные учебники должны пробуждать гордость, заявил он несколько лет назад⁷.

Его неоднозначная позиция не допускает последовательную работу над переосмыслением прошлого и подспудно способствует реабилитации Сталина и сталинских образцов мышления. Связь с этими моделями мышления стала особенно очевидной после того, как разразился украинский кризис. Это можно проиллюстрировать следующим примером: к сущности сталинизма принадлежит создание фиктивного мира, в котором истинное положение вещей в буквальном смысле переворачивается с ног на голову. Ярким примером этого было сталинское определение фашизма. Так, в начале 30-х годов, когда НСДАП одерживала одну победу за другой, почти все некоммунистические группировки в Германии, и не в последнюю очередь СДПГ, обозначались как «фашистские». Всё, кроме

⁶ См.: Kaminskij. Stalin-Kult. P. 182.

⁷ Ibid. P. 169.

КПГ, стало «фашистским», писал тогда диссидент-коммунист Хайнц Шюрер. По его словам, ни с одним понятием не обращались столь легковесно, как с понятием «фашизм»⁸.

Нечто подобное можно сказать и сегодня о государственных российских средствах массовой информации. Невзирая на тот факт, что на последних президентских выборах в Украине кандидаты праворадикальных партий «Свобода» и «Правый сектор» оба вместе получили менее двух процентов голосов, подчиненные государству московские средства массовой информации диффамирует правительство в Киеве как «фашистское». В связи с 73-ей годовщиной нападения гитлеровской Германии на Советский Союз близкая к правительству газета *Аргументы и факты* даже провела параллели между начавшейся в 1941 году войной и сегодняшними событиями в Украине⁹.

Это непостижимое сравнение показывает, какого масштаба достигла в России потеря реальности в официальных средствах массовой информации. Но все-таки существует принципиальное различие между сталинским и нынешним фикционализмом. В современной России вновь и вновь поднимают свой голос те, кто не поддался власти «цунами патриотизма». Эти люди пытаются вернуть страну на почву реальности. К ним относятся уже упомянутая *Новая газета* и телеканал *Дождь*. Во времена Сталина существование таких островков объективности было бы немислимо.

Авторизованный перевод Ларисы Лисюткиной

⁸ Schürer H. Die Politik der SPD und der KPD von 1928 bis 1933 (неопубликованный манускрипт).

⁹ Аргументы и факты. 18-24 июня 2014. С. 1.